

А.Г.: Я бы хотел начать нашу беседу с вопроса о последнем вашем романе «Генерал и его армия», который вызвал большой интерес в России и положительную реакцию в средствах массовой информации. Когда возникла идея написания этого романа, почему именно эта тема привлекла к себе ваше внимание?

Г.В.: Ну впервые я стал задумываться о теме войны, когда издательство Министерства обороны предприняло публикацию серии военных мемуаров, где решили дать некоторым генералам, маршалам и некоторым полковникам высказаться, вспомнить свой путь и все это издать. Это была, конечно, затея очень хитрая. Просто хотели различные мнения подвергнуть цензуре, а это удобнее было сделать в виде печатного текста. Уж очень не хотелось, чтобы люди свое мнение выражали устно где-то на кухне, без цензуры. В общем, это была идея канонизировать генеральские мнения о войне, очень тяжелой войне и во многом противоречивой и для нас до сих пор не ясной. Так как эти люди хорошо владеют оружием, но плохо пером, то к ним приставили молодых литераторов, жаждавших заработать. В их числе был и я, сделавший две литературные записки за генералами. В особенности мне был интересен генерал Петр Севостьянов, который как раз воевал на Днепре, он был в армии Москаленко, в 40-й. В частности, от него я услышал историю генерала Чибисова, который является прототипом моего командующего 38-й армией. Это было начало 60-х годов. Тогда я начал задумываться о том, что генералы, когда они разговаривали не под магнитофон, в непринужденной беседе, рассказывали такие вещи о войне, которые невозможно было вычитать ни в каких наших книгах. Когда же я хватался за карандаш или включал магнитофон, они моментально переходили на деревянный советский язык, и из них ничего нельзя было вытянуть.

Так вот родилась идея, что нужно обязательно написать то, чего не напишет никто. Чего никто не в состоянии выразить. Материал сам пришел ко мне в руки. Материал с генеральской колокольни, с которой видится война. Много я встречался также с большими военачальниками, с маршалом Мерецковым, например. Нас связывала дружба с генералом Григоренко, который служил штабистом всю войну, отчасти и командовал. Он очень много рассказывал. К моему удивлению, это почему-то не вошло в его книгу.

А.Г.: А почему вдруг пошел слух, что вы пишете о генерале Власове?

Г.В.: У меня есть такая черта: если у меня в романе какой-то человек произносит несколько фраз, я должен прочитать и узнать об этом человеке все, что можно. У меня, например, есть эпизод с немецким генералом Гудерианом, который занимает в романе 20 страниц. Я прочитал все, что написал сам Гудериан, и все, что написано о нем. Все фотографии, все его портреты, все кадры кинохроники, где он участвовал, я просмотрел, чтобы написать вот эти двадцать страниц. Также у меня есть маленький эпизод с генералом Власовым, который прини-

мает решение 6 декабря 1941 года продолжать наступление. Это было историческое решение, которое предопределило судьбу московской битвы. И вот мне интересен был этот человек вообще, что он собой представлял. Тем более я знал вкратце его трагическую историю. Он замечательно себя вел под Киевом, он вывел свою армию из окружения, он был фактическим организатором обороны Киева. Он участвовал в московской битве, ключевую роль сыграла его армия там. Затем была его неудача под Волховом, когда он ничего не мог сделать. Просто в третий раз чуда не произошло и не могло произойти. Ну и наконец как создатель русской освободительной армии (РОА), которой он дал свое имя — власовцы. Все это меня интересовало, я читал, где только можно было достать, всю запрещенную литературу, изымаемую на бысках. И у тех, кто за мной в это время следил, создалось впечатление, что я собираю материалы для романа о Власове. Почему они не подумали, что я пишу о Гудериане, не знаю, потому что с одинаковым рвением я занимался и тем, и другим.

А.Г.: Гудериан их не очень волновал.

Г.В.: Да. Я много раз слышал этот вопрос: «Правда ли, что вы пишете о Власове?». Я говорил: «Нет, в романе будет только один маленький эпизод с ним. У меня будет вымышленный герой». Я думаю, что, наверное, можно написать роман о Власове. Но меня здесь смущало именно то, что это реальный человек, и я буду связан реальными фактами биографии, ничего не смогу придумать, только сумею более или менее грамотно и близко к действительности изложить то, что было. Поэтому меня целиком устраивал вымышленный генерал, которым я могу распоряжаться как угодно.

А.Г.: Но если вы начали писать этот роман еще в Москве, а первые главы появились в «Континенте», на Западе, и закончен он был сравнительно недавно, года два назад, сколько же лет вы его писали?

Г.В.: За это время я написал «Верного Руслана», писал теоретические статьи и выступал по радио «Свобода» и постепенно писался этот роман. Я рассчитывал, что на Западе найду какие-то новые материалы. Нашел несколько человек — участников власовского движения, власовской армии, которые мне, честно сказать, мало помогли, потому что меня не это интересовало. Меня интересовало то, что происходило в 43-м году на днепровских плацдармах, в районе Киева.

Ну что вам сказать? Я считаю, что тема Отечественной войны — это вечная тема нашего народа. Я считаю, что неполные четыре года Отечественной войны — это самое крупное событие, которое произошло в России за весь двадцатый век. Даже крупнее, чем Октябрьская революция. И мы будем, я думаю, заниматься этой темой и в XXI веке тоже. В отличие от Солженицына, который считает, что победы нужны правительствам, а поражения благотворны для народа, я думаю, что эта победа, которая далась нам такой ценой, все-таки была благотворна для всего народа. Нашему народу нужно было завоевать эту победу. При таком количестве жертв, которое измеряется десятками миллионов, говорить о преимуществе социализма уже не приходится. То есть мы победили не потому, что социализм происходил в чем-то западную структуру общества или превосходил гитлеровскую Германию. Не этим мы победили. И говорить можно о том, что война развязала самосознание советского народа, зажатое большевистской идеологией. После 37-го года, после всех ужасов коллективизации, после ГУЛАГа вдруг наш народ ощутил себя деятелем истории, он сам стал создавать свою историю, что чрезвычайно напугало Сталина. Поэтому после войны он и предпринял второй этап преследований, даже более жестокий, чем в конце 30-х годов. Но тут уже смерть ему помешала развязать еще больший террор.

А.Г.: Я хотел бы поговорить о сегодняшнем дне. Над чем вы сейчас работаете?

Г.В.: Я возвращаюсь к осмыслению того, что произошло. Я, знаете, остаюсь если не шестидесятиником, то пятидесятиником, поскольку начал я в 1954 году сначала как критик, а в 60-х как прозаик. Стараюсь как-то осмыслить свой собственный путь, не пытаюсь разобраться в том, что сейчас происходит в России, потому что я от нее оторван, а хочу осмыслить то, чему я был свидетелем. А я был свидетелем довольно интересных событий. Скажем, весь период «Нового мира» Твардовского на моих глазах прошел. Это была очень яркая страница в духовной жизни нашего народа. Общение с правозащитниками, с академиками Сахаровым. Я находился если не в эпицентре, то где-то близко от эпи-

центра этой борьбы. Тоже яркая страница, недостаточно освещенная у нас, как-то она провалилась.

И вот я задумал две повести. Одну из своей юности. Это 46-й год, когда я учился в суворовском училище и на нас свалились ждановские постановления-репрессии против Ахматовой и Зощенко. Тогда я с моим товарищем и наша возлюбленная пошли к Зощенко выразить ему свое сочувствие. И вдруг оказалось, что мы были почти единственными, кто его тогда морально поддержал, и он об этом рассказал Карелину, и Карелин в книге «Эпилог» упоминает этот эпизод. Я рассказываю о том, что с нами потом делали. Как нас потом ломали, чем предопределили наши судьбы. Все трое мы достаточно пострадали. Это материал для хорошего осмысления того, что происходило в тот период — первый послевоенный год. И еще я вам дал кусок из повести — это история одной женщины: тут наша «оттепель» и заморозки, которые начались после нее (впервые героиня у меня женщина), как на ее судьбе отразилось то, что происходило со всей страной, как иллюзии, надежды на оттепель, все это сменялось страшным похолоданием... Даже тот отрывок, который я вам дал, начинается со знаменитых морозов в Москве 78-го года, что имеет, конечно, символическое значение — речь идет об атмосфере политической.

А.Г.: Ну и последний вопрос у меня такой: литературная ситуация. Сейчас существует как бы три мнения о современной русской литературе. Одни говорят, что ценность русской литературы — это реализм, ничего другого не нужно. Наиболее агрессивные представители «другой литературы» сбрасывают реализм с корабля: «все это уже устарело», — кричит Дмитрий Галковский. И существует третье, к сожалению, малочисленное мнение, что в русской литературе всегда, и в дореволюционный период, были разные направления. Они воевали друг с другом, но не убивали друг друга, как сейчас хотят это сделать, а как-то спорили, сосуществовали. То же самое было и в нашей эмиграции. И вот третья группа считает, что все это нужно, а дальше все это будет развиваться, существовать параллельно в разных журналах и даже в одном журнале собираться. К какой группе вы себя бы отнесли?

Г.В.: Я бы начал с конца отвечать на ваш вопрос. Такого противостояния друг другу, как сейчас в различных группировках, не было при мне: ни в моей молодости, ни даже в зрелости. Я помню, когда мы вступали в литературу, у нас у каждого почти были какие-то старшие товарищи, с которыми мы очень дружили. Мы не старались ни убить, ни выпрыгнуть из литературы, скажем, Виктора Платоновича Некрасова, мы не только пили с ним водку, мы с ним разговаривали душевно, мы дружили. Или, скажем, Владимир Тендряков... Мы с Войновичем или с Аксеновым только начинали свой путь, но мы от них не отталкивались. У Аксенова его старший друг был Катаев. И каждый имел тогда своего «старика», у которого он учился, который его направлял...

А.Г.: Тут немалое разногласие, потому что там не произошло такого решительного слома, а сегодняшние так называемые новейшие прозаики как бы порвали резко с традиционной литературой, отказались от табу, которые существовали в русской литературе и в

советской...

Г.В.: Да, но это говорит об ожесточении спора...

А.Г.: Из-за этого они и ожесточились, и не может быть учителя старшего.

Г.В.: Мне кажется, что само по себе ожесточение говорит о важности спора. Сейчас уже не время благоустраивать и сентиментальничать друг с другом, как говорится, идет война. Я ее расцениваю даже положительно в каком-то смысле. Она говорит о важности этой темы, о важности литературы в нашей жизни. За этим стоит вопрос и о физическом выживании, но и не только о нем. Если мы боремся за реализм, значит, нас оскорбляет то, что ему мешает...

А.Г.: Почему обязательно должно мешать? Мне представляется очень правильной сегодняшняя позиция Владимира Максимова, который в связи с десятилетним юбилеем «Стрельца» написал мне, что «Стрелец» интересен тем, что представляет разные направления — и реалистическое, и авангардное. Находясь под одной обложкой, они не мешают друг другу, как-то сосуществуют друг с другом, показывая все разнообразие современной русской литературы. А ведь наиболее яркие крики исходят не от талантливых писателей-восьмидесятников, а от серых, которые на волне восьмидесятилетия хотят занять место.

Г.В.: Видите ли, я думаю, ожесточение происходит от того, что уменьшился объем внимания к литературе. Когда, действительно, Россия только и делала, что читала, место находилось

всем. Но сейчас, когда тиражи резко упали, подписка упала, сейчас одна литературная группировка отнимает читателя у другой группировки. Писатели, о которых мы говорили, Попов, Сорокин, Ерофеев, Пригов и так далее, отнимают моего читателя, они ему представляют русскую литературу искаженно, я имею в виду на Западе...

А.Г.: На Западе — да, но не в России, в России это невозможно.

Г.В.: Но я же живу на Западе, значит, я должен бороться за то, как образ русской литературы будет преломляться здесь в сознании западного читателя.

А.Г.: Ну а почему он не может преломляться так, что, с одной стороны, скажем, Владимир Аксенов, еще кто-то из прозаиков реалистического направления, хоть и разные, но реалистические, а с другой стороны, Попов, Нарбикова, Гареев. Мне кажется, что такая плюралистическая позиция, с точки зрения западных профессоров-славистов, лучше, чем нацистское отрицание.

Г.В.: Но ведь войну объявили не мы, не реалисты-шестидесятники, нам объявлена война, мы как раз были за сосуществование. Пожалуйста, вот, скажем, Аксенов, Битов и Искандер, они организовали «Метрополь», где они сгребли всех вместе, вот 23 человека, нате вам страни-

статья «Незабываемые шестидесятые», в которой я расставил все точки над i на счет Галковского и других наиболее агрессивных восьмидесятников.

Г.В.: Вы знаете, мне кажется, что эти люди, при том, что часто неприятно наблюдать их выпады против шестидесятников, против реализма, все-таки какую-то полезную работу выполняют. Потому что жить без врагов и скучно, и непродуктивно. Реализм должен подвергаться нападкам и закаляться в этой борьбе. Он каждый раз восходит на новый виток. Вот, скажем, военная проза, если мы начали говорить о романе «Генерал и его армия». Когда я его обдумывал, у меня сначала был образ некой «Войны и мира» двадцатого века. Но постепенно я приходил к выводу, что сейчас уже такая книга невозможна. Значит, надо изобрести какие-то приемы, чтобы в одном эпизоде, по существу в истории одной операции, изобразить всю войну. Для этого сюжет должен быть страшно динамичным, должно быть движение. И я нашел прием движения «виллиса» до Москвы и обратно. И когда смотришь, какой путь проделала наша реалистическая литература, то видишь, что ни Тарас Бульба невозможен уже, с точки зрения военной прозы, ни даже Лев Толстой невозможен. Наши прозаики, Бондарев, Бакланов, Виктор Некрасов, Василий Гроссман, взошли на какую-то новую ступень военной прозы. Они шли от Толстого, но они нашли новые пути, в том числе и благодаря каким-то нападкам, преследованиям, борьбе за читательское внимание. Уже скучно читателю читать четыре тома. И те, кто писал эпопею, проигрывали. Скажем, Стаднюк, он интересно писал о войне, но уж больно длинно — я одолел, потому что читал все, что можно было прочесть о войне, а читателю, в общем, было довольно-таки скучно, потому что он пользовался арсеналом старой прозы.

А.Г.: Я думаю, что это взаимопроникаемая борьба. Если в 10–20-е годы реалисты, акмеисты, символисты, новисты и всякие разные направления боролись между собой, в этой борьбе они обогащались...

Г.В.: Они обогащались и закалялись. И тот же Галковский тоже где-то полезен.

А.Г.: Он провокатор. Когда он пишет большими буквами выделяя в газете умертвляю вас!», это же нереально, но призывает...

Г.В.: Я прочитал в предпоследнем или последнем «Континенте» статью Галковского. Она интересная. Он, Золотоносов, Басинский — желчные ребята...

А.Г.: Но они разные очень. Золотоносов — человек едкий, конечно, но таких выходов, как «уйдите, умрите, эмигрируйте», он себе не позволяет. Галковский на одном из вечеров в моем литературном салоне «Зеленая лампа», посвященном дискуссии шестидесятников и восьмидесятников, заявил, что ему культура шестидесятников не интересна. Все это было, мол, в 20-е годы и было гораздо интереснее. Он говорил очень взвешенно, там сидели Аннинский, Кедров, я, но его команда все время путала — говорили о шестидесятниках, которые шли на постыдный компромисс с властью в 70-годы. Я им говорю, тогда восьмидесятниками можно назвать и идеологов «Памяти». Когда вы говорите о Евтушенке, о Вознесенском, так и говорите Евтушенко и Вознесенский, а не шестидесятники. Мы их никогда шестидесятниками не считали. Ельцин — шестидесятник, и Солженицын, и Сахаров, с точки зрения общественной и литературной деятельности. Но там один не выдержал и закричал: «Дайте нам деньги на журнал!». Я говорю: «А почему мы вам должны давать деньги на журнал?». — «А потому, что вы заняли все места»... Это были довольно агрессивные люди, но они ничего собой не представляют, они никто, серые, малоинтересные. А наиболее талантливые из восьмидесятников в этом не участвуют. Ни Ерофеев, ни Попов, ни Нарбикова, ни Василенко, ни Гареев...

Г.В.: Галковский — человек талантливый...

А.Г.: Конечно, но он провокатор, эпатажник такой же, как Лимонов, хочет обратить на себя внимание. Однако у них речь идет не о литературе, а вообще о поколении. А было бы интересно не эти эскапады разбирать, а собрать и шестидесятников, и «другую литературу» и повести открытый разговор без крика, без шума. Вот если бы сестры за «круглый стол», да еще с какими-то западными представителями, с синхронными переводчиками и так далее, чтобы они на Западе поняли, что есть то в русской литературе. Что кроме концептуалистов и других авангардных течений существует и реалистическое направление, которое занимает свое место в литературе. Но на это нужны большие деньги. Кроме того, я думаю, что большинство из них на этот разговор не пойдет. Потому что я пытался в свое время провести дискуссии с оппонентами Солженицына в Нью-Йорке, предложил, что сниму зал, пригласу переводчиков, специалистов, и давайте поговорим, мы же все время его искажаем, вырываете цитаты из контекста, но они никогда не соглашались.

Г.В.: И все-таки лучше Галковский, чем Жданов. Потому что когда тот говорил: «Уйдите!», действительно уходили.

А.Г.: Уносили...

Г.В.: В конце концов ничего страшного нет. Как пишет Аннинский: «Трудно предположить, чтобы этот человек еще и в руки оружие взял».

А.Г.: Иное дело, что по его призыву взять могут другие. Фильдаффинг, Германия

Василий Аксенов и Георгий Владимов.

цы, вас не печатают — печатайтесь ради Бога. Этот самый Попов, он у Аксенова на даче жил. У каждого из нас были свои молодые, но они выросли и объявили нам войну.

А.Г.: Ситуация очень сложная, потому что я как бы шестидесятник, в то же время я приемлю и то, и другое, я хочу все это примирить, только чтобы это было талантливым.

Г.В.: А они не хотят мириться, они хотят нас уничтожить.

А.Г.: Нет-нет. Эти писатели видят, что я занимаю позицию плюралистическую, что русская литература разнообразна, но получается так, как вы сказали: идет борьба за выживание, она идет и в России, и на Западе. И на Западе наиболее агрессивны лишь некоторые, скажем, концептуалисты. Они хотят показать, что ничего другого нет. В России у них такой возможности нет. Более того, в России милые либеральные люди, сидящие сейчас в журналах, газетах, эстетически не приемлют даже наиболее талантливых представителей «другой литературы».

Это ненормальная ситуация. С одной стороны, я создал Антидиффамационную лигу, в которую вы дали согласие войти, как раз для борьбы с фальсификацией, которая ведется на Западе группой концептуалистов, а с другой стороны, я в органах печати защищаю «другую литературу» от нападков в России. То есть здесь я против некоторых из них выступаю, там, в России, их защищаю. Но все нападки слышатся со стороны людей, повторю, малоталантливых. Недавно в «Независимой газете» у меня была большая